

не имел в виду пародировать Лукина и своей переделкой рассчитывал пополнить театральный репертуар, достаточно ограниченный в то время. Пьеса его шла неоднократно, опубликование же ее после выхода гораздо более сильной в литературном отношении комедии Лукина «Пустомеля» стало нецелесообразным.

Таким образом у нас нет материала для противопоставления Чулкова Лукину в их литературных и личных взаимоотношениях. Да если бы он и был, это не меняло бы дела. Гораздо существеннее отметить общность ряда черт, роднящих этих авторов. Наличие у них ориентации на собственную, классово-близкую, аудиторию, позволило В. А. Десницкому сблизить их, присоединив к ним и Новикова (Ирой-комическая поэма, стр. 36—38). Не повторяя приведенных в статье В. А. Десницкого параллелей, укажем только на особенности комедии Лукина «Щепетильник».

Для нее, против обыкновения, понадобилось не одно предисловие, а два — автор стремился предварительно высказаться как можно подробнее и защитить свою точку зрения от будущих нападок.

Комедия, по сравнению со своим английским оригиналом, оказалась увеличенной на несколько действующих лиц: появились майор Чистосердов с племянником и двое крестьян — работники Щепетильника. Эти крестьяне — первые на русской сцене, заговорившие простонародным языком, и языком точным. А. Н. Пыпин, сверившись по областному словарю, показал, что особенности их речи — переход «ц» в «ч» и наоборот, употребление «и» вм. «е», «ц» вм. «т» и т. д. — в точности соответствуют говору бывш. Галичского уезда Костромской губернии. Но Лукину все-таки кажется, что он передал их речь недостаточно точно:

«Причиной тому, что я, не имея деревень, с крестьянами жывал мало и редко с ними разговаривал».

Но сразу же он переходит в нападение:

«Полно, у нас не все те крестьянский язык разумеют, которые наделены деревнями; немного сыщется помещиков, в состоянии сих бедняков по должности входящих. Есть довольно и таких, которые от чрезмерного изобилия о крестьянах иначе не мыслят, как о животных, для их сладострастия созданных. Сии падежные люди, живучи в роскошах, нередко добросердечных поселян, для пробавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости разоряют. Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, с шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев. А можно сказать, что ведают жизнь крестьянскую только те, которые с природы человеколюбивы и почитают их равным созданием, и потому и об них пекутся» (Изд. Ефремова, стр. 186—87).

«Кровь невинных земледельцев» — это сказано очень сильно. Животными же считал крестьян не кто иной, как Сумароков. Он смотрел на них, как на низшие существа и не осуждал: таков был естественный порядок вещей. Только дворяне обладают честью и культурой — крестьяне этого не имеют и иметь не могут,